

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ

КАРНЕГИ

Россия и кризис в Сирии

Дмитрий Тренин

ФЕВРАЛЬ 2013

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

Россия и кризис в Сирии

Дмитрий Тренин

ФЕВРАЛЬ 2013

Перевод с английского Максима Коробочкина

Фонд Карнеги за Международный Мир и Московский Центр Карнеги как организация не выступают с общей позицией по общественно-политическим вопросам. В публикации отражены личные взгляды автора, которые не должны рассматриваться как точка зрения Фонда Карнеги за Международный Мир или Московского Центра Карнеги.

Никакая часть данной публикации не подлежит использованию кем-либо в какой бы то ни было форме, в том числе воспроизведению, распространению, переработке иначе как с письменного разрешения Московского Центра Карнеги или Фонда Карнеги за Международный Мир. Запросы, пожалуйста, направляйте в Московский Центр Карнеги.

Россия, 125009, Москва
Тверская ул., 16/2
Тел.: +7 (495) 935 8904
Факс: +7 (495) 935 8906
info@Carnegie.ru

Эта публикация может быть бесплатно загружена с сайта
<http://www.carnegie.ru>.

© Carnegie Endowment for International Peace, 2013

Содержание

Краткое содержание	5
Российский фактор	7
Истоки позиции России: ливийская прелюдия	9
Россия и Сирия: долгая предыстория	12
Четыре «уровня» позиции Москвы по Сирии	14
Отношения Москвы с другими игроками	20
Эволюция политики России	24
Ошибки Москвы	28
Возможности сотрудничества между Россией и Западом	31
К новому подходу в сирийском вопросе	34
Примечания	37
Об авторе	39
Московский Центр Карнеги	41

Краткое содержание

Конфликт в Сирии длится уже почти два года. Он унес более 60 тыс. жизней, разрушает страну и дестабилизирует ситуацию на Ближнем Востоке. Для его урегулирования необходимы совместные действия международного сообщества, но пока этого не удается добиться вследствие сложившегося тупика в Совете Безопасности ООН. Надежды США и Европы на то, что Россия попросту присоединится к их усилиям по отстранению Башара Асада от власти, оказались необоснованными. Чтобы прекратить бойню и создать в Дамаске переходное правительство, способное обеспечить национальное примирение, необходим новый подход.

Из чего исходит Россия

- По Сирии Россия с самого начала заняла четкую позицию и не избегает резких разногласий с Соединенными Штатами и Европой.
- Отказываясь использовать свое влияние для давления на президента Асада и призывая обе враждующие стороны совместно добиваться национального примирения, Россия считает, что исходит из равновзвешенной позиции.
- Позиция России по Сирии определяется ее представлениями о миропорядке, согласно которым применение силы должно осуществляться под контролем Организации Объединенных Наций, а смена режимов за счет вмешательства извне недопустима.
- Москва расценивает «арабскую весну» как исламистскую революцию, в ходе которой господствующие позиции скорее всего занимают экстремисты. Она опасается радикализации конфликта в Сирии и его распространения на другие страны.
- Политика Кремля не принесла результатов и наносит серьезный ущерб отношениям России с Западом и арабским миром.

Путь к углублению сотрудничества России и Запада

- Россию нельзя игнорировать, и западные страны не могут взаимодействовать с ней, навязывая ей свои условия.
- Западу следует сотрудничать с Россией на основе общих интересов. Несмотря на все разногласия относительно отстранения Асада от власти, ни американцы, ни россияне не хотят, чтобы

в Сирии воцарился хаос или пришел к власти радикальный суннитский исламистский режим.

- В том, что касается Ближнего Востока в целом и Сирии в частности, странам Запада стоит воспользоваться уникальным и прагматичным взглядом России. Выводы Москвы порой оказывались ближе к реальности, чем поочередно сменявшие друг друга энтузиазм и отчаяние Запада.
- США и Европе следует признать, что миропорядок меняется. Россия не является и не будет частью Запада, но она видит себя стабилизирующей силой, предпочитая следование традиционному подходу и процедурным нормам эмоциям и идеологии. Москва — естественный союзник для сторонников предсказуемости международных отношений.

К новому подходу в сирийском вопросе

- России следует отказаться от отстраненной позиции невмешательства в политические события в Сирии, а Соединенным Штатам — сосредоточить свои усилия не на свержении режима Асада, а на политическом урегулировании конфликта в качестве самой насущной задачи.
- Вашингтону и Москве необходимо выработать практический механизм для осуществления передачи власти в Сирии.
- США и России нужно выявить во враждующих лагерях элементы, наиболее склонные к диалогу, и создать для них соответствующие стимулы, а также оказывать давление на те группы в Сирии, которые не желают начинать диалог, и тем самым заставить их сесть за стол переговоров. Что же касается элементов, занимающих абсолютно непримиримую позицию, их следует изолировать и подвергнуть санкциям.
- Вашингтон и Москва должны тесно сотрудничать со всеми игроками, действующими в регионе, — арабскими государствами, Турцией, Израилем и Ираном с целью добиться, чтобы они поддерживали мирный процесс в Сирии. Кроме того, для укрепления доверия к этому процессу он должен находиться в «вѣдении» ООН.

Российский фактор

Восстание в Сирии, начавшееся в марте 2011 г., переросло в ожесточенную гражданскую войну с сильным межконфессиональным подтекстом. Внутренний вооруженный конфликт в Сирии — к концу ноября 2012 г. число его жертв, по оценкам, достигло 60 тыс.¹ — расколол международное сообщество.

США, Евросоюз, Турция и государства Персидского залива, особенно Катар и Саудовская Аравия, открыто поддержали вооруженную оппозицию, Россия и Китай выступили против любого давления на Дамаск, а Иран начал оказывать материальную поддержку правящему режиму президента Башара Асада. В этих условиях Индии и Бразилии, стремящимся получить статус постоянных членов Совета Безопасности ООН, пришлось прибегнуть к непростой политике балансирования. В результате сирийский кризис превратился в серьезную проверку на прочность для ООН и, в частности, для авторитета и эффективности Совета Безопасности.

От позиции и политики российского государства в отношении последних событий в Сирии зависит многое. Сегодня, через двадцать лет после распада СССР, Россия остается крупным международным игроком и постоянным членом Совета Безопасности. Москва обладает собственным представлением о мироустройстве, все больше расходящимся с позицией Запада, и решительно выступает с инициативой альтернативного решения целого ряда проблем международного характера. Это особенно важно в связи с тем, что она имеет возможность блокировать шаги Соединенных Штатов в Совете Безопасности, и если Вашингтон решит обойтись без санкции этого органа, его действия в соответствии с международным правом будут считаться незаконными. В то же время с учетом веса Москвы на международной арене российско-американское сотрудничество по Сирии способно проложить путь к прекращению конфликта в этой стране.

Кроме того, позиция России важна с учетом фактора Китая — поднимающейся мировой державы, которая все еще, как правило, не склонна противостоять Западу в одиночку по вопросам, не затрагивающим ее непосредственные интересы. Однако на отдельных направлениях Пекин время от времени присоединяется к Москве, предоставляя россиянам возможность играть ведущую роль (и получать при этом «все шишки»).

Сирийский кризис превратился в серьезную проверку на прочность для ООН и, в частности, для авторитета и эффективности Совета Безопасности.

Таким образом, формируется тренд китайско-российского оппонирования США и Европе.

К тому же получающее широкую огласку противостояние Москвы Вашингтону зачастую находит поддержку в рядах мирового сообщества. Эту поддержку позиции России — чаще всего без излишней публичности — выражают некоторые правительства и негосударственные акторы, не одобряющие политику Вашингтона или попросту отдающие предпочтение традиционным ценностям в международных отношениях, в частности, нерушимости суверенитета и невмешательству во внутренние дела, которые Россия отстаивает в противовес принятой сегодня на Западе практике «гуманитарной интервенции».

Подобное противостояние грозит постоянным расколом в Совете Безопасности по вопросам, связанным с государственным суверенитетом и правами человека. Поскольку сегодня большая часть вооруженных конфликтов в мире носит внутрисударственный характер (а не межгосударственный, как это было в середине прошлого века, когда принимался Устав ООН), такие разногласия способны парализовать главный орган этой всемирной организации, отвечающей за поддержание международного мира и безопасности.

Тем не менее сейчас, когда мировая гегемония Запада уходит в прошлое и ситуация в мире во многом изменчива, Россия позиционирует себя как противовес Западу, способный повлиять на характер формирующегося нового международного устройства.

На деле разногласия вокруг Сирии являются отражением противоборства разных представлений о миропорядке, вопросах суверенитета и прав человека, применении силы и обязанности применять силу (вместо того, чтобы позволить конфликту разрешиться самому по себе). Этот спор фундаментальным образом отличается от соперничества США и СССР на Ближнем Востоке в годы «холодной войны», связанного прежде всего с идеологическим противоборством и гегемонией в регионе. Нынешняя ситуация

отличается от прошлого и тем, что в Сирии сейчас речь идет о «наложении» международного кризиса на острый внутренний конфликт, который сам по себе является частью процесса регионального масштаба, получившего название «арабской весны».

Таким образом, сирийский кризис во многом служит примером и квинтэссенцией конфликта начала XXI в., а разница во взглядах, являющаяся причиной противостояния России с Западом и арабским миром в Совете Безопасности, демонстрирует трудности урегулирования подобных конфликтов на мировом уровне. США и их союзники уже не могут

Сирийский кризис во многом является примером и квинтэссенцией конфликта начала XXI в., а разница во взглядах, являющаяся причиной противостояния России с Западом и арабским миром в Совете Безопасности, демонстрирует трудности урегулирования подобных конфликтов на мировом уровне.

решать такие проблемы собственными силами. Для успешного преодоления и разрешения конфликтов необходимо сотрудничество в мировом и региональном масштабе, невзирая на расхождения в ценностях. Эффективное же сотрудничество, в свою очередь, требует как минимум четкого понимания истоков и целей действий всех сторон, особенно России. Для понимания подхода России к сирийскому кризису необходимо начать с событий в Ливии.

Истоки позиции России: ливийская прелюдия

Сирийский кризис разразился вскоре после ливийского, однако ситуация в этих двух странах развивалась совершенно по-разному. В Ливии восстание против режима Муаммара Каддафи, вспыхнувшее в феврале 2011 г., получило решающую поддержку со стороны международного сообщества. В марте 2011-го, когда войска Каддафи готовились подавить сопротивление повстанцев в Бенгази, Совет Безопасности ООН принял резолюции № 1971 и 1973, осуждавшие действия ливийского лидера и устанавливавшие над этой страной бесполетную зону для защиты мирного населения от истребления правительственными силами. Результатом усилий международного сообщества в Ливии стало падение режима Каддафи в октябре 2011 г. То, что произошло в Сирии, укрепило Москву в ее позиции по поводу развивающегося сирийского кризиса, и одновременно дает представление международному сообществу относительно того, из чего исходит Россия в вопросе внешнего военного вмешательства во внутренние конфликты.

Относительно Ливии Россия пошла на беспрецедентный шаг — она не воспрепятствовала применению силы против суверенного государства в связи с внутренним конфликтом. Риторика тогдашнего российского президента Дмитрия Медведева мало чем отличалась от заявлений западных лидеров. До свержения ливийского диктатора оставалось более полугода, но Медведев уже назвал его «политическим трупом». Тогда же, в марте 2011 г., российский посол в Ливии Владимир Чамов — в своих донесениях он, судя по всему, выражал несогласие с новой линией Кремля — был отозван и в назидание другим отправлен в отставку.

Сторонником этого нового подхода был не только Медведев. Так, в ходе обсуждения вопроса в Совете безопасности России перед решающим голосованием в Совете Безопасности ООН предлагались лишь два варианта действий: воздержаться при голосовании или присоединиться к западным державам. В конечном счете решено было воздержаться: возобладал более осторожный подход. Совет безопасности России считал, что предлагаемые параметры применения силы не полностью его удовлетворяют.

Владимир Путин (в то время он формально занимал пост главы правительства, но оставался верховным лидером России и был «наставником» Медведева), очевидно, придерживался более скептической точки зрения, чем его менее высокопоставленные коллеги, но и он не стал возражать против того, чтобы Россия воздержалась при голосовании в Совете Безопасности ООН и тем самым позволила принять соответствующие резолюции. Но вскоре после этого голосования Путин, де-факто позволивший создать бесполетную зону над Ливией, публично выразил озабоченность тем, что резолюция «разрешает все и напоминает средневековый призыв к крестовому походу».

Однако на деле видимое расхождение во взглядах между номинальным главой российского государства и всемогущим премьером представляло собой попытку Москвы подыграть обеим сторонам, чтобы максимально увеличить выгоды и свести к минимуму возможный ущерб от конфликта. Роль Медведева в этой игре заключалась в том, чтобы обеспечить поддержку Западом усилий по модернизации России и добиться компромисса в вопросе о создании системы ПРО в Европе, Путин же должен был сохранить за Москвой контракты на 8 млрд долл., заключенные с режимом Каддафи.

Но по мере развития событий в Ливии скепсис Москвы приобрел более ярко выраженный характер. Обеспечение бесполетного режима было поручено НАТО, что пробуждало неприятные воспоминания о прошлых военных интервенциях Альянса на Балканах, в том числе в Косово в 1999 г. В то время Москва испытывала особую аллергию к любым предложениям о расширении миссии НАТО до общемирового масштаба, что, по ее мнению, могло привести к распространению зоны ответственности блока на постсоветское пространство.

Теперь российское руководство, не веря своим глазам, наблюдало за продолжительной «ничейной» ситуацией в борьбе между поддерживаемыми НАТО повстанцами и режимом, сложившейся в середине гражданской войны в Ливии, а затем было ошеломлено

быстрым «эндшпилем», в ходе которого Запад оказал оппозиции тайную помощь в свержении Каддафи, а бывший ливийский правитель был жестоко убит повстанцами. Когда война в Ливии завершилась, российские официальные лица включая Медведева обвинили Запад в лицемерии (натовские бомбардировки ради спасения мирного населения на занятых повстанцами территориях оборачивались гибелью людей в городах, удерживаемых режимом Каддафи) и вероломстве (заявляя об отсутствии намерений свергнуть ливийский режим, он поступил в точности наоборот).

Готовность России — в том случае, если ее будут признавать равноправным партнером — сотрудничать с Западом в проведении военных операций под эгидой Совета Безопасности ООН для защиты людей и гражданских свобод в третьих странах, не касается прямой смены режимов, подготовки государственных переворотов или давления на глав иностранных государств с целью заставить их отказаться от власти.

Кроме того, неприятным сюрпризом для Москвы стало быстрое изменение позиции США по ливийскому кризису. Поначалу Вашингтон создал у Кремля впечатление, что не будет вмешиваться в конфликт. Российскую сторону убедили трезвые аргументы в пользу невмешательства, публично изложенные тогдашним министром обороны США Робертом Гейтсом: он четко заявил, что для создания бесполетной зоны потребуется наступательная военная операция, и предостерег США от вовлечения в третий (наряду с Ираком и Афганистаном) конфликт в мусульманской стране. Поэтому, когда две недели спустя президент Барак Обама, поддавшись на уговоры советников, диаметрально изменил свою точку зрения и приказал готовиться к военной операции, Москва была ошеломлена явной непредсказуемостью действий Вашингтона.

В практическом плане позиция, занятая Россией в ходе ливийского кризиса в 2011 г., означала, что Москва не намерена автоматически защищать любой режим, попавший в немилость к Западу. Каддафи в годы «холодной войны» отнюдь не был советской марионеткой, и с Западом он примирился еще в 2003 г. Россия вплоть до начала восстания осуществляла деловое сотрудничество с Ливией, но в куда меньших масштабах, чем Европа. Президент Путин посещал Ливию и принимал Каддафи в Москве, но российское руководство не питало сочувствия к ливийскому диктатору и не считало себя ответственным за его судьбу. Свержение Каддафи оно восприняло без сожаления.

Кроме того, стало очевидно, что Россия — если ее будут признавать равноправным партнером — готова сотрудничать с Западом в организации и проведении военных операций под эгидой Совета Безопасности ООН, связанных с применением силы для защиты людей и гражданских свобод в третьих странах. Эта готовность к сотрудничеству, однако, не касается прямой смены режимов, подготовки государственных переворотов или давления на глав иностранных государств, чтобы заставить их отказаться от власти.

Возражения России против смены режимов в третьих странах связаны не только с двойным принципом нерушимости суверенитета и невмешательства во внутренние дела иностранных государств, но и с озабоченностью развитием событий после свержения старого режима. В Ливии после Каддафи российских наблюдателей беспокоит общий хаос, фактический распад страны, а также разграбление запасов оружия, накопленных свергнутом режимом, в результате чего это оружие распространяется по региону.

У Каддафи было немного друзей в России, и Путин среди них не числился, но в связи со свержением этого диктатора доверие к Западу оказалось под вопросом. Россия считает, что Запад должен воспринимать ее как равного партнера, уважать ее мнение и интересы. Однако в случае с Ливией Москва вскоре обнаружила, что в вопросах проведения санк-

ционированной операции у нее не осталось рычагов влияния на Запад. Кроме того, когда Каддафи был свергнут, новые власти Ливии без промедления подтвердили контракты, заключенные его режимом с западными компаниями, однако в отношении контрактов с российскими фирмами этого не произошло. Таким образом, к возмущению, вызванному действиями НАТО, начавшего масштабные военные действия в Ливии, превысив свои полномочия по мандату ООН, предусматривавшему лишь защиту гражданского населения за счет создания бесполетной зоны, прибавились материальные потери.

Подобная ситуация вызвала в Москве серьезное недовольство, вскоре проявившееся в сирийском вопросе. Ливийский урок еще припомнят.

Россия и Сирия: долгая предыстория

В том, что сирийский кризис развивался совсем не так, как ливийский, нет ничего удивительного, если учесть огромные различия между двумя государствами. Ливия — страна, немногочисленное население которой разбросано по оазисам в пустыне, находится в значительной степени на периферии арабского мира. Сирия, где проживает более 22 млн человек, расположена в самом сердце Ближнего Востока и уже 3 тыс. лет играет важную роль в истории этого региона. Что же касается чисто практических аспектов, то военные силы, которым располагает президент Башар Асад, намного превосходят армию покойного Каддафи. С самого начала всем должно было быть ясно: повторение ливийского сценария в Сирии исключено.

И он действительно не повторяется. К январю 2013 г. в вооруженном противостоянии сирийских повстанцев и правительственных войск временно сложилась патовая ситуация. Восставшие к концу 2012 г. овладели немалой территорией, но пока не в состоянии одолеть режим; при этом обе стороны решительно намерены сражаться до полной победы. Сирийский народ, оказавшийся между молотом и наковальней, истекает кровью: каждый день война уносит немало жизней. Многие сирийцы недовольны режимом Асада, но в стране хватает и тех, кто опасается победы повстанцев. За два года, прошедших с начала восстания, сирийская армия не развалилась, а торговая прослойка разоренной войной Алеппо и полуосажденной столицы — Дамаска не поднялась против режима.

На отношение Москвы к событиям в Сирии, несомненно, повлияли уроки, усвоенные в Ливии, но кроме этого между двумя странами существуют давние связи. С 1960-х до начала 1990-х годов Москва поддерживала с Дамаском, где в 1970—2000-х годах правил отец Башара Хафез Асад, близкие, почти союзнические отношения. В 1980 г. СССР и Сирия

даже подписали договор, предусматривающий взаимные консультации при возникновении угрозы миру, а также военное сотрудничество.

Во второй половине XX в. среди арабских стран, вовлеченных в конфликт с Израилем, который стал одним из крупнейших проявлений советско-американского противостояния в период «холодной войны», Сирия уступала по значению лишь Египту. В результате после Шестидневной войны 1967 г., когда Израиль отбил у Сирии Голанские высоты, Советский Союз четверть века оказывал Дамаску политическую, экономическую и, что наиболее важно, военную поддержку.

Но, несмотря на сильную зависимость от СССР, Хафез Асад оставался полновластным хозяином в собственном доме и в «ближнем зарубежье» Сирии. В 1976 г. сирийские войска вторглись в Ливан и оставались в этой стране целых тридцать лет. В 1982 г. армия Асада подавила восстание в Хомсе (утверждают, что тогда погибло до 20 тыс. человек). Возможно, Москва порой сетовала на своенравность Асада-старшего, но именно на него СССР считал наиболее надежным делать ставку в регионе.

После того как президент Египта Анвар Садат в 1972 г. «переехал в американский лагерь», Сирия до 1991 г. была фактически главным союзником СССР на Ближнем Востоке. Практически весь ее арсенал состоял из советских вооружений, более того, в Сирии находилось до 6 тыс. военных советников и техников, а также гражданских специалистов из СССР и членов их семей. Десятки тысяч сирийских студентов учились в советских университетах, институтах и военных академиях, многие из них женились на советских гражданках.

Даже после распада СССР некоторое число военных советников, представлявших теперь Российскую Федерацию, продолжало работать в Сирии. Сирийский порт Тартус, использовавшийся в годы «холодной войны» 5-й Средиземноморской эскадрой кораблей Военно-морского флота (ВМФ) СССР, стал единственной базой снабжения для российских военных кораблей за пределами постсоветского пространства. Москва продолжала поставлять Сирии оружие — хотя ради заключения новых контрактов ей пришлось в 2005 г. списать 10 млрд долл. из тринадцатимиллиардной задолженности Дамаска, накопившейся еще в советские времена.

Однако Дамаск не был «последним союзником России на Ближнем Востоке», как его в последнее время стали называть многие комментаторы. На деле Москва попросту самоустранилась от геополитического соперничества в регионе еще в 1990 г., когда Михаил Горбачев и Эдуард Шеварднадзе повернулись спиной к другому союзнику СССР — хусейновскому Ираку, вторгшемуся в Кувейт и аннексировавшему его, и не помешали коалиции во главе с США разбить войска Саддама Хусейна

С самого начала всем должно было быть ясно: повторение ливийского сценария в Сирии исключено.

в ходе первой Войны в Заливе. Осенью 1991 г., накануне официального «ропуска» СССР, Москва восстановила дипломатические отношения с Израилем и изменила свой подход к палестинскому вопросу².

С тех пор присутствие России в регионе обуславливалось сочетанием коммерческих интересов, озабоченности относительно поддержки ближневосточными акторами мятежников и террористов на Северном Кавказе, а также новообретенным духовным интересом к Святой земле и вполне земной привлекательностью курортов на средиземноморском побережье, Красном море и в Персидском заливе. Нагляднее всего о метаморфозе, случившейся с присутствием Москвы на Ближнем Востоке, свидетельствуют две цифры. Когда в 1972 г. Анвар Садат переориентировал Египет с Москвы на Вашингтон, он одним росчерком пера отправил на родину не менее 20 тыс. военных советников из СССР. Когда же почти сорок лет спустя в результате революции был свергнут его преемник Хосни Мубарак, на пляжах Хургады, Шарм-эш-Шейха и других египетских курортов «застряли» более 40 тыс. отпускников из России. И, невзирая на революцию, они не прерывали свой отдых.

Четыре «уровня» позиции Москвы по Сирии

Подход России к сирийскому кризису целесообразнее всего анализировать на четырех уровнях — в порядке убывания по значению. Речь идет о расчетах, связанных с изменением международного устройства, последствиях «арабской весны», материальных интересах России в Сирии и роли религии.

Миропорядок

На первом месте стоит озабоченность Москвы проблемами международного устройства. Российские официальные круги часто ссылаются на Устав ООН и особенно его положения, поддерживающие суверенитет и территориальную целостность стран-участниц. В свое время Советский Союз зачастую лишь на словах выступал за соблюдение Устава ООН, полагаясь на собственную военную мощь и политико-идеологический контроль над своей гигантской глобальной империей. Российская Федерация, сильно уменьшившаяся в размерах по сравнению с СССР и утратившая статус сверхдержавы, всерьез рассматривает Совет Безопасности ООН и традиционное международное право как одну из основ мирового порядка. Москва настаивает: Совет Безопасности должен сосредотачивать внимание на вопросах, связанных с поддержанием мира и безопасности на международной арене. Поэтому ему следует избегать поддержки какой-либо стороны во внутренних конфликтах вроде сирийского.

Но в принципе Россия не возражает против постепенных, на основе консенсуса, изменений в международном праве. Она официально признает новую международную норму об «обязанности защищать» — принцип, согласно которому нарушение прав человека может сделать необходимым военное вмешательство со стороны ООН или кого-либо из ее членов. Москва даже ссылалась на него в ходе непродолжительной войны с Грузией в 2008 г., в ходе которой она, по собственной версии, защищала от геноцида население Южной Осетии.

Но даже если интервенция по гуманитарным соображениям получила необходимое одобрение, задачи военной операции, по мнению Москвы, должны предусматривать только защиту мирного населения, но не смену режима или помощь вооруженной оппозиции, сражающейся против него. Ползучее расширение миссии, ее перерастание в прямое участие внешних сил в гражданской войне недопустимо. Министр иностранных дел России Сергей Лавров заявил: «В смене режима мы не участвуем», а Совет Безопасности ООН не занимается революциями³. К чести России, ее собственная скоротечная операция в Грузии в 2008 г., хотя и была перенесена за пределы зоны конфликта в Южной Осетии и Абхазии на территорию самой Грузии, не увенчалась захватом Тбилиси и свержением грузинского правительства, чего опасались в то время многие на Западе и, несомненно, желали некоторые россияне.

Российская сторона также категорически настаивает: о применении силы или угрозах ее применения не должно быть и речи, если только Совет Безопасности, где у Москвы есть право вето, не примет иного решения. Если сторона, осуществляющая такое вмешательство, не стремится заручиться санкцией ООН или не получает такого мандата, Москва считает интервенцию незаконной. Кроме того, Россия требует, чтобы применение силы в международных отношениях не только санкционировалось ООН, но и жестко отслеживалось и контролировалось Советом Безопасности на протяжении всей операции.

В то же время Россия, судя по всему, признает: у этого правила бывают и исключения. В Южной Осетии она действовала без международного мандата, и это косвенно свидетельствует, что в некоторых случаях Москва считает вмешательство даже без санкции Совета Безопасности безотлагательно необходимым и оправданным. Тогда вопрос о начале военной операции становится предметом политического выбора — с соответствующими международно-правовыми и политическими последствиями.

Особое неприятие у России вызывает весьма вольное отношение Соединенных Штатов к применению силы. Как постоянный член Совета Безо-

Россия требует, чтобы применение силы в международных отношениях не только санкционировалось ООН, но и жестко отслеживалось и контролировалось Советом Безопасности на протяжении всей операции.

пасности, обладающий правом вето, Россия имеет возможность защищать свои непосредственные интересы и обеспечивать большую предсказуемость международной обстановки. В общем же плане идеальная модель «мирового управления», по мнению Москвы, должна основываться на консенсусе великих держав — аналоге рузвельтовской идеи о «четырёх мировых полицейских». Столь превозносимая Кремлем «многополярность» — лишь новейший вариант концепции, первым воплощением которой в XIX в. стал «европейский концерт» держав, в рамках которого Российская империя чувствовала себя вполне комфортно.

С точки зрения Кремля Сирия — лишь еще один пример склонности Запада к смене режимов. В свое время Соединенные Штаты вторглись в Ирак, чтобы свергнуть Саддама Хусейна. Иран уже давно живет под угрозой такого вторжения. Натовская «воздушная война» против Югославии привела к отделению Косово от Сербии, а вскоре после этого произошла первая «цветная революция», и Слободан Милошевич был отстранен от власти. Совсем недавно в ходе ливийского кризиса Кремль сначала решил не возражать против создания «бесполетной зоны» ради спасения мирных жителей, но затем его возмутил тот факт, что эта гуманитарная операция переросла все в ту же смену режима.

«Арабская весна»

Второй уровень связан с оценкой российскими властями внутренних процессов в Сирии и так называемой «арабской весны», положившей конец диктатуре Мубарака и обернувшейся свержением авторитарных режимов в Тунисе, Йемене и Ливии. Российские эксперты по Ближнему Востоку с самого начала проявляли куда меньше оптимизма, чем их западные коллеги, относительно характера и направленности перемен в регионе. Большинство из них рассматривает эти процессы как «великую исламистскую революцию»⁴.

Если европейцы и американцы расценивали события в арабском мире как повторение демократических «революционных волн», прокатившихся по Европе в 1848 и 1989 гг., россияне находили в них параллели с собственной революцией 1917 г.: вопрос заключался лишь в том, какой месяц станет эквивалентом «Красного Октября».

С самого начала российское руководство опасалось, что за свержением светских авторитарных режимов последует приход к власти исламистов, и считало, что Запад и прозападные либералы в арабских странах лишь расчищают путь религиозным радикалам или союзникам «аль-Каиды». В частности, для министра иностранных дел Лаврова разговоры об «арабской весне» и демократии в таком контексте — это «детский сад»⁵.

В российском обществе почти не было ликования в связи с «победами народа» в Египте и Тунисе, ставших излюбленным местом отдыха для многих россиян (в 2010 г. Египет посетили 2,8 млн туристов из России,

а в 2012 г. — 2,5 млн). Политическая демократия — это одно, а экономическое благосостояние — другое, и горькое разочарование со временем неизбежно, утверждали скептически настроенные российские наблюдатели. Более того, в незрелом обществе свобода дает преимущество самым сильным и беспощадным. Российские государственные телеканалы щедро потчевали зрителей иллюстрациями к разворачивающейся политической драме, особенно в Каире, где голоса, выражающие надежду и оптимизм, перемежались с мнениями других египтян, испытывавших страх и отчаяние.

Российским зрителям внушали: даже те революции (например, в Египте и Тунисе), которые не заканчиваются гражданской войной, несут с собой смерть и разруху, оборачиваются хаосом, способным привести к власти еще более жестокий режим, чем свергнутый. Для российской аудитории, хорошо осведомленной об истории собственной страны в минувшем столетии, этот аргумент зачастую звучал убедительно. В отношении Ливии, где на выборах 2012 г. победили не исламисты, а либералы, Россия поднимала вопрос о разграблении революционерами гигантских запасов оружия, хранившихся в арсеналах Каддафи, и их распространении по региону начиная с Мали. Там сепаратисты и радикалы-исламисты, близкие к «аль-Каиде», захватили власть в северных районах страны, превратив их в свой оплот.

Аналогичные опасения со всей серьезностью возникают и в отношении Сирии, где среди противников Асада есть и джихадистские элементы, в том числе связанные с «аль-Каидой», а также существует вполне реальная опасность межрелигиозного вооруженного конфликта между суннитами и шиитами, арабами и курдами, мусульманами и христианами. Более того, в арсеналах Асада имеются ракеты и химическое оружие, которые легко могут быть вывезены за пределы страны для подпитки конфликтов в других государствах, причем, в отличие от Ливии, расположенных куда ближе к российским границам. В конце концов, от Дамаска до столицы Дагестана Махачкалы всего около 1600 км.

Не стоит забывать, что совсем недавно простые россияне столкнулись с масштабной вспышкой насилия — и к тому же она была намного ближе к их домам, чем все опасности, грозящие американцам и даже европейцам. В конце прошлого и начале нынешнего столетия Чечня почти десять лет представляла собой кровоточащую рану, и российская армия была вынуждена задействовать немалую огневую мощь, чтобы одолеть мятежников. Столицу Чечни Грозный пришлось отстраивать практически заново. Даже сегодня Северный Кавказ — от Дагестана на востоке до Кабардино-Балкарии на западе — остается беспокойным, хотя сама Чечня, как это ни удивительно, превратилась в оплот стабильности в регионе.

Согласно первоначальным расчетам российского правительства Асад скорее всего должен был удерживаться у власти достаточно долго — и эта

оценка оказалась более точной, чем звучавшие с Запада прогнозы, что его дни сочтены. Россияне также считали, что свержение Асада не приведет к завершению гражданской войны, а лишь станет началом ее следующего этапа. Как отмечал президент Путин, в этом случае сирийская власть и оппозиция попросту поменяются местами, но вооруженная борьба продолжится. Наличие подобной пороховой бочки в нескольких сотнях километров от неблагоприятного Северного Кавказа не сулит Москве ничего хорошего — особенно с учетом того, что до зимней Олимпиады-2014 в Сочи остался всего год.

В целом «арабская весна» не обошлась без последствий и для стран бывшего СССР. Пока серьезных попыток сместить правителей постсоветских республик не наблюдалось, но многие проблемы этих государств схожи с теми, от которых страдают арабские страны. Когда представители городского среднего класса России, возмущенные подтасовками на парламентских выборах в декабре 2011 г., начали проводить массовые акции протеста в Москве, некоторые противники Владимира Путина на родине и за рубежом надеялись, что эта «российская весна» приведет к крушению так называемой «путинской России»⁶.

У самих кремлевских обитателей настороженность вызывала не столько возможность массового антиправительственного выступления внутри страны, сколько вмешательство извне — будь то в форме стимулирования революций или внешних интервенций. Путин публично обвинял российских демонстрантов в том, что они находятся на содержании у правительства США. А по мнению некоторых его ближайших соратников, например, бывшего вице-премьера Игоря Сечина, ныне возглавляющего «Роснефть», «арабская весна» представляла собой лишь последний вариант вдохновляемой Западом и им же организуемой смены режимов⁷.

В этой обстановке после официального возвращения Путина в Кремль в мае 2012 г. сирийский кризис стал горнилом для новой итерации внешнеполитического курса Москвы.

Материальные интересы России

Материальные интересы России в Сирии мы считаем лишь третьим по значению уровнем из-за их довольно скромного масштаба. Дамаск уже двадцать лет назад, когда Россия устранилась от участия в геополитическом «соревновании» на Ближнем Востоке, перестал быть союзником Москвы. Башар Асад, как и его отец, продолжает закупать российское оружие, но уже в качестве коммерческого клиента, а не стратегического партнера. И особо прибыльной эту торговлю назвать нельзя, учитывая условия соглашения с Дамаском о выплате прежних долгов.

Пункт материально-технического обеспечения в Тартусе, несомненно, полезен для российского ВМФ, особенно с учетом того, что других подобных объектов за пределами бывшего СССР у флота нет. Однако

этот пункт, персонал которого составляет примерно 50 человек, конечно, недотягивает до полномасштабной военно-морской базы. Тем не менее сирийский кризис дал российскому ВМФ повод напомнить о своем существовании. С 2011 г. российские военные корабли несколько раз заходили в Тартус, а в январе 2013 г. в Восточном Средиземноморье собрались корабли из всех четырех российских флотов: они приняли участие в крупнейших военно-морских учениях со времен распада СССР⁸. Цель маневров, вопреки выводам многих наблюдателей, состояла не в эвакуации российских граждан из Сирии, а в том, чтобы продемонстрировать: после двадцатилетнего перерыва российский флот возвращается в международные воды.

Кроме того, в Сирии живут тысячи российских граждан. В основном это жены сирийцев, прежде всего офицеров, некогда учившихся в СССР, и их дети. Но лишь 3 тыс. из них должным образом зарегистрировались в российском консульстве в Дамаске. После начала войны в Сирии около тысячи из этих россиян вернулись на родину, но многие остались в стране⁹. Поскольку сегодня во внешней политике Москвы больше внимания — не только на словах, но и на деле — уделяется положению российских граждан за рубежом, эту проблему нельзя игнорировать.

Куда бóльшую осторожность Москва проявляет по отношению к примерно 200 тыс. черкесов, чьи предки перебрались в Сирию и другие страны Ближнего Востока в XIX в., в период завоевания Россией Северного Кавказа. В ходе сирийского конфликта несколько тысяч этих так называемых мухаджиров обратились за разрешением переселиться на российский Северный Кавказ. Российские власти, однако, дали такое разрешение лишь немногим из заявителей, чтобы не усугублять и без того сложную этнополитическую ситуацию на Северном Кавказе.

Роль религии

Четвертый уровень представлен «духовным» элементом позиции России по Сирии и Ближнему Востоку в целом. Консервативный вариант российского патриотизма, становящийся сегодня новым мейнстримом Кремля, тесно связан с православным христианством. Религии теперь отводится важное место в рамках российской национальной идентичности, а ее традиционная этика принимается на вооружение в качестве одной из опор внешнеполитического курса. Ценности, поддерживаемые российским руководством, основаны, по словам Сергея Лаврова, на «выверенных тысячелетиями традициях, духовно-нравственном знаменателе, общем для основных мировых религий»¹⁰.

В последнее время руководители России, чиновники и многие простые граждане стали частыми гостями на Святой земле, чему способствует и введенный в 2008 г. безвизовый режим между Россией и Израилем. Возрожденному Императорскому православному палестинскому обще-

ству, основанному еще в 1882 г. и сегодня пользующемуся поддержкой Кремля, удалось вернуть или отремонтировать российскую собственность в Иерусалиме, Вифлееме (где теперь, как и в Грозном, есть даже улица Владимира Путина) и других городах, усилив тем самым присутствие России на Святой земле. Глава Русской православной церкви патриарх Кирилл в 2011 г. побывал в Сирии, а годом позже посетил Израиль, палестинские территории и Иорданию.

В связи с событиями в Сирии, а также в Египте и Ираке российские официальные круги публично выражают озабоченность относительно безопасности и прав христианских меньшинств, захваченных вихрем активизации исламизма. Выступая на заседании Палестинского общества, Лавров отметил: «В наших интересах сделать все, чтобы не допустить создание государств, в которых доминировали экстремистские группировки и имела место дискриминация какой-либо этноконфессиональной группы». Министр пошел еще дальше: «Практика, которую сейчас применяют *потомки европейских христиан* (курсив мой. — Д. Т.) в сфере прав человека, — подчеркнул он, — все больше доказывает, что истина лежит не там»¹¹. Эта цитата свидетельствует об убежденности многих в Москве, что сегодняшняя Европа слишком отдалилась от своих корней, перегибает палку с толерантностью и отказывается от собственной христианской идентичности.

В этой ситуации Владимир Путин и его союзник патриарх Кирилл примеривают на себя тогу защитников христианской веры — не столько от других религий, к которым они относятся с уважением, сколько от «богохульников» внутри страны вроде панк-группы «Pussy Riot» и «безбожников-европейцев» по соседству. Налицо еще одна удивительная метаморфоза российской истории: президент Путин, конечно, не царь Николай I, правивший в 1825—1855 гг. и официально взявший на себя роль покровителя православных на территории Османской империи, но религия, несомненно, занимает определенное место в мышлении Кремля.

Отношения Москвы с другими игроками

На позицию Москвы по Сирии также влияют ее отношения с другими игроками, имеющими интересы в регионе, в том числе с Ираном, Израилем и Западом.

Российская сторона считает, что политика многих региональных акторов по отношению к Сирии определяется не столько заботой о простых сирийцах, оказавшихся в бедственном положении, сколько общим стремлением лишить Иран главного союзника в арабском мире. Падение алавитского режима в Сирии нанесло бы Ирану ущерб и на других

направлениях: оно ослабило бы «Хизбаллу» — радикальную шиитскую группировку в Ливане, поддерживаемую Тегераном и Дамаском, и другие шиитские силы в регионе, дружественные иранскому режиму. Эту цель, по мнению Москвы, преследуют США, Турция, Саудовская Аравия, Катар и Израиль. Кроме того, свержение сирийского режима укрепит позиции Америки и ее союзников, когда дело дойдет до прямого столкновения с Ираном. Российские официальные круги публично заявляют о своих подозрениях, что размещение батарей комплексов ПРО «Пэтриот» на турецко-сирийской границе на деле направлено против Тегерана, а не Дамаска.

Москва признает наличие «связки» Иран-Сирия, но смотрит на нее совершенно по-иному. По мнению России, Тегеран должен участвовать в урегулировании сирийского кризиса. Российская сторона была возмущена отказом Саудовской Аравии (она населена суннитами) обсуждать сирийский вопрос с Ираном (где преобладают шииты) и поддержкой позиции Эр-Рияда со стороны США. По мнению российских экспертов по Ближнему Востоку, в том, что касается Сирии, Соединенные Штаты не руководят из-за кулис, но в основном следуют в русле политической линии Саудовской Аравии, которая определяется целями Эр-Рияда в регионе, и прежде всего соперничеством между суннитами и шиитами.

Присоединение Израиля к антиасадовскому лагерю в России расценивается как следствие растущей озлобленности правительства Биньямина Нетаньяху в связи с иранской ядерной программой. При этом, частично оспаривая выводы израильтян по Ирану, российская сторона с пониманием относится к позиции Тель-Авива. Хотя с учетом истории «холодной войны» это может показаться парадоксальным, россияне сегодня с большим сочувствием относятся к еврейскому государству. В Израиле проживает более миллиона их бывших соотечественников, по-прежнему говорящих по-русски; кроме того, оба государства сталкиваются во многом с одними и теми же вызовами, например, с террористической угрозой, и врагами, в частности джихадистами. Владимир Путин посетил Израиль в июне 2012 г., вскоре после инаугурации. В отношении характера «арабской весны» большинство россиян и израильтян придерживаются одинакового мнения, считая ее по сути фундаменталистским, а не демократическим «пробуждением».

Политику различных арабских государств в отношении Сирии Москва оценивает по-разному. Она поддерживает усилия президента Египта Мухаммада Мурси по привлечению к урегулированию сирийского кризиса Ирана, Саудовской Аравии и Турции. Но в то же время само дви-

Российская сторона считает, что политика многих региональных акторов по отношению к Сирии определяется не столько заботой о простых сирийцах, оказавшихся в бедственном положении, сколько общим стремлением лишить Иран главного союзника в арабском мире.

жение «Братья-мусульмане», к которому принадлежит Мурси, из-за его деятельности на Северном Кавказе во время Чеченской войны с 2003 г. числится в российском черном списке террористических организаций¹². Именно в ходе этой затяжной войны Москва стала рассматривать арабский мир как вместилище ряда очагов исламистского радикализма, представляющего угрозу для России и ее соседей в Центральной Азии, а также на Южном Кавказе.

Москва считает исламистские режимы, пришедшие к власти в Египте и Тунисе, а также ливийских революционеров идейными сторонниками сирийской оппозиции, а консервативные монархии стран Персидского залива — ее союзниками в геополитическом и религиозном плане. По мнению российской стороны, стратегия выживания для правящих режимов Саудовской Аравии и Катара уже давно основывается на экспорте исламистского радикализма в различные страны. Москву, естественно, не радует резкий рост антироссийских настроений и утрата остаточного влияния во многих арабских странах, но все это и не впечатляет ее настолько, чтобы изменить курс по Сирии.

Впрочем, от перемен на «арабской улице» достается не только России. Москва, в частности, стала свидетелем весьма жесткого отношения к Соединенным Штатам в связи с показом фильма «Невинность мусульман». А убийство 11 сентября 2012 г. в Бенгази американского посла в Ливии Криса Стивенса в глазах многих россиян символизировало абсолютную наивность подхода американцев к недавним народным восстаниям в арабском мире. Впрочем, к чести российских официальных лиц, они публично признают: «Никто до конца не понимает, что будет на Ближнем Востоке»¹³.

Стараясь сохранять спокойствие, Москва стремится не нагнетать напряженность, особенно в отношениях с Эр-Риядом и Дохой. Она ведет диалог с Лигой арабских государств и Советом по сотрудничеству стран Персидского залива, поддерживает контакты со всеми соседями Сирии, в том числе с Иорданией, Ираком и Ливаном.

Российская сторона также воздерживается от публичной критики жесткой позиции Турции по Сирии и практически игнорировала выпады Анкары против ее собственной линии. В декабре 2012 г. президент Путин даже отправился в Стамбул, чтобы продемонстрировать добрую волю по отношению к премьер-министру Реджепу Тайипу Эрдогану и заодно заключить новые экономические соглашения с Турцией.

Еще негативнее, чем арабским миром, позиция России воспринимается общественным мнением Запада. Заявления Москвы о ее беспристрастности в сирийском вопросе отмечаются как абсурдные, она считается союзницей Дамаска и Тегерана, разделяющей с ними ответственность за гибель десятков тысяч сирийцев. На обложке номера журнала «Economist» за 20 декабря 2012 г. была помещена карикатура,

где Владимир Путин изображался в аду, в «дурной компании» Асада и Ахмадинежада по соседству с покойным Каддафи. Подобный имидж в сочетании с усиливающейся на Западе озабоченностью относительно ужесточения авторитаризма в самой России в ответ на антипутинские акции протеста в 2011—2012 гг. способствовал тому, что отношения между Западом и Москвой к концу 2012 г. ухудшились как никогда со времен войны с Грузией 2008 г.

Россияне, конечно, заметили, что Соединенные Штаты и Европа проводят различие между действиями России и Китая, относясь к Пекину намного более благоприятно. На проекты двух резолюций Совета Безопасности ООН наложила вето не только Москва, это сделал и Пекин. Но если российская сторона во весь голос заявляла о своей позиции по Сирии, то китайская больше отмалчивалась. Москву волнует прежде всего миропорядок в целом, а Пекин — собственные интересы. При этом КНР на Ближнем Востоке заботят в основном поставки энергоносителей, а потому она больше прислушивается к аргументам Эр-Рияда и других монархий Персидского залива. Напористо отстаивая свои интересы вблизи собственных границ, в частности, в Восточно-Китайском и Южно-Китайском морях, пекинское руководство, очевидно, сочло неразумным перегружать дипломатические отношения с Западом, добавляя к ним конфликт из-за событий в далекой, малопонятной и не слишком его интересующей стране. Китай в отличие от России избегает публичных споров с Западом по Сирии. В ответ американцы и европейцы без лишнего шума оставляют Пекин в покое, сосредотачивая весь огонь критики на Москве.

Некоторые из самых известных московских экспертов по внешней политике называют линию России по Сирии виртуозной: она держится в стороне от конфликта, но при этом не предает клиента¹⁴. Впрочем, кое-кто в России относится к политике Кремля в сирийском вопросе критически. Либеральные группировки в российском истеблишменте, воспринимающие внешнюю политику через призму модернизации страны, упрекают Кремль за ухудшение отношений с ведущими энергодобывающими странами — Саудовской Аравией и Катаром, что препятствует столь необходимой координации нефтегазовой политики с этими государствами, за экономические уступки «несостоятельному должнику» — Сирии, за неизменную поддержку «лузеров» от Саддама и Каддафи до Асада при одновременном игнорировании победителей, которые могли бы стать для России ценными партнерами¹⁵.

Консервативные — включая коммунистов — и ультранационалистические силы, напротив, требуют, чтобы Россия решительнее противо-

Россию не радует резкий рост антироссийских настроений и утрата остаточного влияния во многих арабских странах, но все это и не впечатляет ее настолько, чтобы изменить курс по Сирии.

стояла Америке и объединила усилия с ее противниками. Они говорят о том, что Москва «сдала» Каддафи, а еще раньше — Саддама Хусейна и Слободана Милошевича.

Эти идеологизированные точки зрения не имеют серьезных практических последствий, но российские производители вооружений, которые в случае падения Асада могут потерять еще одного клиента (и к тому же сразу после «утраты» Ливии), обладают реальным бюрократическим весом в московских коридорах власти. В результате, хотя с начала сирийского кризиса новые контракты на продажу оружия Асаду не заключались, поставки по действующим соглашениям осуществляются по графику.

Эволюция политики России

Все эти соображения — от озабоченности вопросами международного устройства, мнений и позиций внешних акторов до внутривластных проблем — оказывают решающее влияние на политический курс России по Сирии, со временем претерпевающий изменения, которые отражают эволюцию этих сил.

В начале сирийского кризиса, в марте 2011 г., ситуация виделась в Москве следующим образом: дружественному, но далекому авторитарному режиму противостоит разношерстная группа протестующих. Естественно, руководство России понимало, что Сирию одолевают во многом те же социально-политические проблемы, что и в Тунисе и Египте: закостеневший режим, слишком долго находящийся у власти и погрязший в коррупции, не замечал перемен в обществе, которое начало требовать большей открытости и демократии¹⁶. Эту потенциально опасную ситуацию властям следовало бы разрядить, сочетая твердость с некоторыми уступками оппозиции.

Еще на начальном этапе сирийского кризиса эксперты из российских государственных структур пришли к выводу, что его исход отнюдь не предопределен, но Башар Асад сможет достаточно долго противостоять натиску противников. Действительно, население алавитских анклавов на западе страны, в том числе Тартуса, вряд ли поддержит радикальные силы, возглавляемые суннитами. Быстрая смена режима, полагали россияне, скорее всего возможна лишь в результате внешнего вмешательства.

Первые полгода сирийский кризис углублялся параллельно с военной операцией НАТО в Ливии. В результате главной задачей для Москвы стало не допустить повторения ливийского сценария в Сирии. После того как в марте 2011 г. Вашингтон диаметрально изменил свою позицию по Ливии, у российской стороны не могло быть уверенности, что Соединенные Штаты не решат в какой-либо форме нанести удар

по сирийским правительственным войскам. «США, — саркастически заметил министр иностранных дел Сергей Лавров, — никогда ничего не исключают»¹⁷.

На уровне практической политики, и не только на Ближнем Востоке, Россия предпочитает иметь дело с действующими правительствами, а не их оппонентами, особенно если речь идет о недемократических государствах. Очевидно, что Москва однозначно отдает предпочтение существующему правительству в Дамаске перед оппозицией. Сирийская власть действительно жестока, признавали в неофициальной обстановке представители России, но в этом она мало отличается от большинства других режимов в регионе. По крайней мере, указывали они, эта власть носит светский характер и служит оплотом против исламистского радикализма и террористических организаций типа «аль-Каиды».

Российская сторона никогда не восхищалась сирийской оппозицией. Кремль сегодня в принципе негативно относится к любым революциям и позиционирует Россию как твердого сторонника статус-кво. Москва в целом не придает значения той части оппозиции, которая состоит из прозападно настроенных интеллектуалов и бывших политиков, давно живущих за пределами Сирии и во многом утративших связь с родиной, в том числе Сирийскому национальному совету, ставшему теперь одним из элементов широкого «фронта» оппозиционеров. В то же время она теплее относится к умеренным светским оппонентам правительства внутри страны, склонным к диалогу с властями, например, к Национальному координационному совету.

Что же касается радикалов из Свободной армии Сирии, стремящихся свергнуть режим Асада силой, то их российская сторона рассматривает как опасную группировку. В этой организации есть и демократы, но исламистов там намного больше. Еще в начале конфликта Москва выявила за кулисами сирийской оппозиции представителей «аль-Каиды». В России опасаются: когда конфликт затянется, эти радикалы займут господствующие позиции среди оппонентов режима.

С начала конфликта Москва считает, что радикальная оппозиция постоянно пытается спровоцировать власти на массированное и безразборное применение силы, чтобы максимально усилить страдания мирного населения, как это было в ходе боев за Алеппо в 2012 г., и активизировать западную общественность. Россияне также подозревают оппозицию в попытках спровоцировать конфликт между Сирией и Турцией, ведя боевые действия непосредственно на границе с этой страной. Кроме того, они полагают, что массовые убийства ни в чем не повинных граждан, ответственность за которые западная общественность и власти возлагают на сирийские правительственные войска, могли быть делом рук оппозиции. В свою очередь, российские официальные лица критикуют западных коллег за то, что те не осуждают теракты против прави-

тельственных объектов. По их мнению, террористов нельзя делить на «плохих» и тех, чьи действия «вполне приемлемы»¹⁸.

Среди многих проблем, связанных с сирийским конфликтом, выделяется вопрос о возможном использовании имеющегося в стране химического оружия. К этой проблеме Москва подходит со всей серьезностью. Многие российские комментаторы предостерегали: угроза применения химических вооружений в Сирии может послужить предлогом для военной интервенции внешних сил во главе с США по образцу вторжения в Ирак в 2003 г., когда администрация Джорджа У. Буша обвинила Багдад в тайной разработке оружия массового уничтожения. Основная угроза, по мнению россиян, связана не с возможностью применения сирийскими войсками химического оружия против оппозиционных формирований: Москва, судя по всему, верит заявлениям Дамаска о том, что это оружие может быть использовано только против иностранных агрессоров, т. е. останется средством сдерживания от интервенции внешних сил. По мнению российской стороны, главная опасность, связанная с химическим оружием, заключается в его распространении, если сирийское правительство утратит контроль над этим арсеналом.

В проектах резолюций, представленных Россией и Китаем Совету Безопасности ООН осенью 2011 г., содержался призыв к обеим сторонам сирийского конфликта прекратить боевые действия и начать диалог. Однако при таких условиях перемирия правительство Асада, естественно, осталось бы у власти, что не устраивало западные страны и, конечно, сирийскую оппозицию.

Контрпредложения Запада, напротив, возлагали всю ответственность на Дамаск, обязывая его, но не оппозицию, вывести войска из городов. На эти проекты Москва и Пекин дважды наложили вето. В результате Совет Безопасности был парализован, что вновь породило сомнения (в странах Персидского залива и не только в них) относительно его легитимности, особенно с учетом «несоразмерного» влияния России.

Российские дипломаты в ООН тщательно следили за тем, чтобы ни одна резолюция Совета Безопасности не содержала формулировок, дающих оппозиции тактическое преимущество или способных стать предлогом для интервенции. Увидев проекты резолюций с перекосом в пользу оппонентов Асада или предложением ввести против правительства Сирии санкции в соответствии со ст. 7 Устава ООН, Россия дважды без колебаний наложила на них вето.

В январе 2012 г. Кремль назначил спецпредставителем президента по Сирии заместителя министра иностранных дел Михаила Богданова, высококлассного специалиста по Ближнему Востоку¹⁹. Его задачей было донести до обеих сторон сирийского конфликта следующее: необходимо начать переговоры и предпринимать шаги к национальному примирению. Москва говорила о необходимости положить конец насилию

в Сирии и выражала сожаление в связи с увеличением числа жертв, в чем она винила в основном оппозицию, в том числе косвенно возлагая на нее ответственность за перенос боевых действий в города, провоцировавший правительственные силы на контратаки.

Российская сторона — со всем должным политесом — посоветовала Дамаску либерализовать жестко контролируруемую политическую систему страны и начать диалог с оппозицией. Увы, безрезультатно: Асад и его соратники не нуждались в советах посторонних, будь то Москва или Анкара, тоже поначалу пытавшаяся примирить стороны и выступить в роли посредника, но вскоре оставившая эти усилия. Несмотря на разветвленные экономические отношения Москвы с режимом Асада, рычагов влияния на сирийского президента у нее нет. Российско-сирийский альянс, о котором так много говорилось, на деле представлял собой миф. Как справедливо отметил позднее президент Путин²⁰, Асад гораздо чаще бывал в Париже, чем в Москве. Кроме того, из-за взаимной неприязни, возникшей между Россией и сирийской оппозицией, на стороне последней никто, кроме немногих людей в Дамаске, не поддержал усилия по примирению на предпочтительных для Москвы условиях.

Реальные дипломатические контакты между Россией и Западом по Сирии носят куда более нюансированный характер, чем публичная картина соперничества, напоминающая чуть ли не о временах «холодной войны». И Россия, и Запад поддержали миссию наблюдателей Лиги арабских государств, а затем и мирную миссию Кофи Аннана, уполномоченного ООН и Лиги, хотя в Москве больше, чем в Вашингтоне, верили в его способность добиться успеха. Весной 2012 г. Москва и западные столицы официально поддержали «План Аннана», предусматривавший общенациональный диалог для урегулирования конфликта самими сирийцами, хотя и в этом случае Запад проявлял больше скепсиса. Встретившись на саммите «большой двадцатки» в мексиканском Лос-Кабосе в июне 2012 г., президенты Обама и Путин подтвердили свою приверженность этому общему принципу.

По сути главное расхождение между Москвой и столицами Турции, западных и арабских государств состояло в том, что российская сторона настаивала: ситуацию в Сирии должны урегулировать сами сирийцы, а посторонним следует воздерживаться от вмешательства и санкций против Дамаска. Российская сторона предлагала внешним силам оказывать давление на тех партнеров в Сирии, на которых они имеют влияние, например, Москве — на Дамаск, а Вашингтону и его союзникам — на оппозицию, чтобы, как бы они ни упирались, затащить их за стол переговоров²¹. Это отчасти напоминало «Дейтонскую формулу», но с той немаловажной разницей, что в данном случае в отличие от урегулирования на Балканах в 1995 г. речь шла не об одном, а о двух главных организаторах переговорного процесса — России и Соединенных Штатах.

30 июня 2012 г. в Женеве участники «Группы действий», поддерживаемой ООН (пять постоянных членов Совета Безопасности, Турция, ООН, Лига арабских государств и Евросоюз), достигли договоренности по Сирии. В «Женевском коммюнике»²² говорилось о «переходном управляющем органе», включающем представителей действующего правительства и оппозиции, который возьмет на себя все полномочия исполнительной власти в стране и поведет сирийский народ по пути национального примирения и политического урегулирования. Однако участники женевской встречи не смогли договориться о немедленных практических шагах по формированию этого переходного правительства.

Эта неспособность имела фатальные последствия. Буквально все элементы сирийской оппозиции отказались иметь дело с Дамаском, а западные державы заявили: соглашение о создании переходного правительства означает отстранение от власти режима Асада уже на начальном этапе процесса. Отчаявшийся Кофи Аннан отказался от роли главного международного переговорщика по Сирии. Возмущенная Москва заявила: тем, кто торпедировал соглашение, «голова Асада» нужна больше, чем прекращение кровопролития в Сирии, а потому и они несут долю ответственности за гибель людей.

Хотя попытки Москвы наладить внутрисирийский диалог оказались в основном безрезультатными, она ставит себе в заслугу тот факт, что Асад согласился с инициативой Лиги арабских государств и присутствием миссии наблюдателей ООН в Сирии, затем с «Планом Аннана» и, наконец, после Женевского коммюнике решил назначить своего представителя для переговоров с оппозицией. Эти шаги, по словам российской стороны, не были оценены Западом по достоинству, а оппозиционеры вообще подвергли их осмеянию как фарс.

Ошибки Москвы

Россия упрекает западные правительства за то, что они открыто отдают предпочтение сирийской оппозиции и даже находятся под ее влиянием. Но сама Москва позволила, чтобы ее собственная политика стала заложницей Асада. В неофициальной обстановке высокопоставленные российские чиновники сетовали, что сирийский президент к ним не прислушивается, а рычагов влияния, чтобы заставить его слушать, у них нет.

Это не совсем так. В ходе конфликта Россия продолжала снабжать сирийскую армию оружием и снаряжением в рамках уже заключенных контрактов и даже печатала банкноты для Государственного банка Сирии. Россия заявляет о невмешательстве в сирийский конфликт и отказывается использовать кнут и пряник в отношении Асада (например, дать ему гарантии личной безопасности или пригрозить прекращением помощи),

чтобы склонить его к диалогу. За этот выбор приходится расплачиваться, в том числе и самой России.

Министр иностранных дел Лавров утверждал: вооружения, поставляемые Сирии, например, комплексы ПВО и вертолеты, предназначены для отражения внешней агрессии, а не для применения во внутреннем конфликте. Что же касается бомбовых ударов сирийских вооруженных сил, то в них, по его словам, были задействованы вооружения и боеприпасы, полученные еще от СССР. Российские официальные круги также указывают: если их страна открыто снабжает оружием законное правительство, не нарушая при этом никаких международных санкций (принятия которых, кстати, не допустила сама Москва), то Запад, Турция и арабские страны вооружают оппозицию тайно и не могут гарантировать, что эти вооружения не попадут в руки джихадистских элементов, например, «Джабхат аль-Нусра» — подразделения «аль-Каиды», также участвующего в войне против Асада.

У российской линии есть очевидные изъяны. Отказ от любых попыток повлиять на Асада, кроме призывов прекратить насилие, представляет собой тактику, обреченную на провал. На деле Россия вооружает одну из противоборствующих сторон в фактически идущей гражданской войне — а ведь в подобной ситуации поставки оружия могут быть запрещены даже по российскому законодательству. Утверждения, что Запад и его союзники по сути делают то же самое, вооружая оппозицию, — слабое утешение: если кто-то другой, как считают россияне, совершает серьезную ошибку, зачем следовать его примеру? Москва все больше скатывалась к тому, чего, по ее словам, она стремилась избежать: к вовлечению во внутренний конфликт другой страны.

У политики Москвы по Сирии, осуществляемой во имя принципов, лежащих в основе мирового порядка, претендующей на беспристрастность и направленной на установление мира в измученной войной стране, обнаружилась серьезная оборотная сторона. Сам того не желая, Кремль позволил всем участникам конфликта использовать Россию в ущерб ее собственным национальным интересам.

Когда первые опасения относительно иностранной интервенции, возглавляемой США, развеялись, даже Сергей Лавров вынужден был признать²³, что Запад не готовится к военному вмешательству и использует неуступчивость России в качестве предлога, чтобы ничего не предпринимать. Звучит правдоподобно, но России приходится за это дорого заплатить в плане ее международной репутации на Западе и в арабском мире.

Хотя Башара Асада ни в коем случае нельзя считать «человеком Москвы», она в конечном итоге оказалась в роли его защитника на международной арене. Говоря об отсутствии заинтересованности в том,

Кремль позволил всем участникам конфликта использовать Россию в ущерб ее собственным национальным интересам.

чтобы Асад оставался у власти, российская сторона при этом отказывается обсуждать его отстранение или предоставление ему политического убежища. На одной из пресс-конференций Лавров весьма резко ответил на вопрос об этом: «Если у кого-то есть такие планы, пусть обращаются к нему напрямую. Сирийский президент открыто говорит, что никуда не собирается уходить»²⁴.

Хотя российское правительство утверждает, что не испытывает неприязни к сирийским оппозиционерам, и неоднократно приглашало их в Москву для переговоров (кое-кто это приглашение даже принял), оппозиция называет Россию соучастницей преступлений режима и даже требует от нее извинений за поддержку Асада.

У Москвы, очевидно, нет четких планов «на следующий день» по Сирии: возможно, она попросту считает, что единственной реальной альтернативой Асаду в Дамаске может быть радикальный исламистский режим, который по определению не станет партнером России. Не исключено также, что, по мнению российской стороны, подготовка к «после-асадовскому» этапу подорвет позиции президента внутри Сирии

и приведет к победе радикалов. Так или иначе, в ООН Россия оказалась в явном меньшинстве — в компании Китая и нескольких латиноамериканских государств. В то же время более 130 стран — участниц Организации осуждают режим Асада.

Несмотря на перечисленные изъяны, Москва продолжает идти прежним курсом. Она резко осудила признание Национальной коалиции революционных и оппозиционных сил, сформированной в Дохе

в ноябре 2012 г., единственным легитимным представителем сирийского народа — сначала странами Персидского залива, Турцией и Европой, а затем Соединенными Штатами и примерно сотней других государств. Российские дипломаты также охарактеризовали принятие Генеральной Ассамблеей ООН резолюции, имеющей ту же направленность, как вмешательство в вопросы, являющиеся исключительной прерогативой Совета Безопасности.

Переизбрание президента Обамы в ноябре 2012 г. привело к активизации поисков дипломатического решения для сирийского кризиса. Алжирец Лахдар Брахими, сменивший Кофи Аннана на посту специального представителя международного сообщества по Сирии, в декабре 2012 г. начал диалог с Соединенными Штатами и Россией относительно способов преодоления кризиса, и эти консультации продолжаются до сих пор²⁵. Позднее Брахими говорил об отсутствии какого-либо «тайного российско-американского плана» по Сирии, но факт остается фактом: в конечном счете Вашингтон и Москва — впервые после завершения «холодной войны» — оказались партнерами в деле обуздания и урегу-

Для Запада сотрудничество с Россией полезно, даже если он не диктует условия.

лирования конфликта. Каковы будут результаты их совместных усилий, покажет время.

Возможности сотрудничества между Россией и Западом

Сирийский кризис стал для российской внешней политики своего рода водоразделом. Россия перестала играть роль возмущенного, но по сути пассивного наблюдателя, как это было во время американского вторжения в Ирак в 2003 г., или бессильного и недовольного «попутчика», как в ходе ливийских событий в 2011 г. Она с самого начала заняла четкую позицию, решительно высказывала резкое несогласие с Соединенными Штатами и Европой и перед лицом осуждения со стороны западной и арабской общественности не позволила заставить себя сменить курс. В то же время Москва продемонстрировала готовность сотрудничать с другими сторонами, особенно с Вашингтоном, на равноправной основе и с должным уважением к традиционному международному праву.

В связи с этим возникает дилемма: следует ли Западу, и прежде всего Соединенным Штатам, взаимодействовать с Россией на условиях, приемлемых для Москвы, или попросту игнорировать ее? В пользу второго варианта существует немало аргументов, в том числе эмоционального характера. Многие не считают Москву не только равным, но и достойным партнером. Россию рассматривают как страну, неуклонно движущуюся по нисходящей, чье влияние в мире слабеет. Кроме того, здесь по-прежнему существует авторитарная власть, недавно укрепившая свои позиции после того, как ей был брошен внутривластный вызов и в буквальном смысле ликвидировавшая всю инфраструктуру поддержки Соединенными Штатами демократии в России. Наконец, к Владимиру Путину, последнюю дюжину лет руководящему российским государством, крайне неприязненно относятся западные СМИ.

По мнению тех, кто сомневается, что Россия может принести пользу в деле будущего урегулирования в Сирии, Москва не имеет решающего влияния на Башара Асада, а его оппоненты относятся к ней с ненавистью. Когда Асад будет свергнут, что скорее всего рано или поздно произойдет, Россия снова окажется в роли проигравшего, как это было после падения Слободана Милошевича, Саддама Хусейна, Муаммара Каддафи. Скептики также указывают, что китайско-российский альянс по Сирии оказался не таким уж прочным: прагматичный Пекин, не отказываясь от официальной позиции в поддержку суверенитета стран и против иностранного вмешательства, без лишнего шума дистанцировался от сирийского вопроса, сосредоточив внимание на тех направлениях, где у него есть прямая заинтересованность.

Некоторые утверждают, что позицию России по Сирии следует игнорировать и вообще наступил момент для противостояния Кремлю широким фронтом и по целому ряду направлений — от его авторитарной внутренней политики до его попыток вновь сделать Россию центром силы в бывшей советской Евразии и несправедливой гегемонии Москвы на европейских энергетических рынках. Этот широкий и сплоченный фронт, объединяющий американцев и европейцев, мол, также обеспечит нарастающее давление на Кремль внутри страны, придаст сил российской оппозиции. Утверждается, что со временем российский авторитаризм ожидает тот же конец, что и советский коммунизм, и это станет еще одной славной победой Запада и самого народа России.

Подобная аргументация отличается последовательностью и, возможно, звучит вдохновляюще, однако, как показывают не только события в Сирии, но и опыт Ирака с Афганистаном, глубокое вовлечение во внутривнутриполитические процессы других стран чаще всего не дает позитивного результата. Еще один рецепт неудачи — отделение ценностей от интересов, и неважно, в пользу первых или последних это происходит. Новый крестовый поход против «путинского режима» обернется для России скорее негативными, чем позитивными внутривнутриполитическими последствиями и поставит Запад в более затруднительное положение на международной арене.

Как бы ни было это сложно признать, руководство США не может позволить себе игнорировать Россию и не в состоянии иметь с ней дело на собственных условиях. В 2012 г. условия американо-российского взаимодействия изменились: завершился двадцатилетний период психологического «пиетета» России по отношению к Америке и Европе. Это изменение последовало за политическим отъединением России от Запада в середине 2000-х годов. После переизбрания президентом на третий срок в 2012 г. Владимир Путин начал энергично утверждать особую идентичность России, на сей раз открыто расходящуюся с Западом на уровне ценностей, а не только в дипломатическом плане. Эта политика, подкрепляемая усилением русского национализма, воплощает собой фундаментальный сдвиг в статусе и положении России на мировой арене. Сирия — лишь один из примеров в этой связи.

Для Запада сотрудничество с Россией полезно, даже если он не диктует условия. Сложная проблема для западных стран связана с признанием ценности этого сотрудничества в условиях, когда стало очевидно, что Россия не «присоединится» к Западу и даже не станет просто «помогать» ему в вопросах вроде сирийского. Новый подход Запада к отношениям с Россией должен строиться на трех элементах.

Во-первых, Западу следует налаживать сотрудничество с Россией на основе общих интересов. В частности, в отношении Сирии, какие бы разногласия ни существовали у Москвы и Вашингтона относительно целесо-

образности свержения или отстранения от власти Башара Асада, а также сроков реализации соответствующих действий, ни американцы, ни россияне не хотят, чтобы его уход обернулся хаосом. Кроме того, ни США, ни Россия не приветствовали бы установление в Сирии радикального суннитского либо исламистского режима, связанного с «аль-Каидой». Если обе стороны сосредоточатся на указанных общих целях, это может побудить их действовать рука об руку.

Подобная модель американо-российского взаимодействия, основанная на общих интересах, может быть применена в отношении целого ряда конфликтных ситуаций: от Нагорного Карабаха до Афганистана. И уж, несомненно, она пригодна для двух самых серьезных случаев в сфере распространения ядерного оружия, связанных с ядерными программами Ирана и Северной Кореи, тем более что обе эти страны — соседи России, и ее отношения с ними имеют долгую историю.

Во-вторых, Западу следует признать, что миропорядок изменился. Долгая эпоха преобладания Запада — которое в прошлом веке столкнулось с серьезным вызовом со стороны СССР, но сохранилось — сегодня в конце концов подходит к завершению. Россия не является и не будет частью Запада, но она видит себя стабилизирующей силой, предпочитая традиции и процедурные нормы эмоциям и идеологии. Подобная позиция часто раздражает тех на Западе, кто поддерживает революционные перемены.

Но если этот революционный романтизм сойдет на нет, Россия станет естественным союзником для сторонников предсказуемости в международных отношениях.

В-третьих, западным странам стоит воспользоваться уникальным и прагматичным взглядом на положение дел, выработавшимся у России на основе опыта последних ста лет ее истории: имперского периода, затем революции и засилья идеологии, приобретения статуса сверхдержавы, распада системы и последующего возрождения. Как правило, в Соединенных Штатах этот опыт не считается заслуживающим внимания: Америка предпочитает сравнивать себя с такими империями, как Римская и Британская.

Россию, конечно, нельзя рассматривать как идеал или модель для подражания, но ее исторический опыт от теории и практики «перманентной революции», связанной с именем Троцкого, до советского вторжения в Афганистан и ухода из этой страны может дать интересный угол зрения, которым было бы опрометчиво полностью пренебрегать. Что же касается Ближнего Востока в целом и Сирии в частности, то более трезвый и скептический взгляд из Москвы, хотя очевидно и имеющий некий

Что же касается Ближнего Востока в целом и Сирии в частности, то более трезвый и скептический взгляд из Москвы, хотя очевидно и имеющий некий уклон в сторону консерватизма, порой оказывался ближе к реальности, чем чередующиеся энтузиазм и отчаяние Запада.

уклон в сторону консерватизма, порой оказывался ближе к реальности, чем чередующиеся энтузиазм и отчаяние Запада.

Если такой подход будет выработан, он может привести к появлению того, чего США и Европе не хватало со времен окончания «холодной войны»: действенной внешнеполитической стратегии в отношении России. Речь идет не о стратегии для России, которая, естественно, является ее собственным делом, или о стратегии против России, что было бы ошибкой, ведущей к пагубным последствиям, а о концепции и плане долгосрочного характера, который позволил бы выявить области общих интересов и способы совместной защиты и продвижения этих интересов. Это позволило бы обозначить сферы разногласий, в том числе в вопросах ценностей, и определить методы их преодоления. Основанная на данной стратегии политика постоянно корректировалась бы в соответствии с продолжающейся эволюцией России. Разработка такой стратегии требует учета долгосрочной перспективы, а ее осуществление — политического мужества и воли.

К новому подходу в сирийском вопросе

Необходимой основой для выработки долгосрочной стратегии могут стать безотлагательные шаги по решению проблем краткосрочного порядка. Совершенно очевидно, что в сирийском вопросе необходимы совместные действия международного сообщества, однако этому препятствует тупиковая ситуация, возникшая в ходе обсуждения данного вопроса в Совете Безопасности ООН. На сегодня политика невмешательства, проводимая Москвой, не дает результатов и наносит серьезный ущерб отношениям России с Западом и арабским миром. Линия Запада, сосредоточившегося на отстранении Асада от власти, также оказалась неэффективной. Необходим новый подход.

России следует отказаться от отстраненной позиции невмешательства в политические события в Сирии, а Соединенным Штатам — сосредоточить свои усилия не на свержении режима Асада, а на политическом урегулировании конфликта в качестве самой насущной задачи. Кроме того, вместо пикировки по поводу Женевского коммюнике по Сирии Вашингтону и Москве необходимо выработать практический механизм для передачи власти в стране.

Чтобы добиться прогресса в сирийском вопросе, США и России нужно выявить во враждующих лагерях элементы, больше всего склонные к диалогу на пути к национальному примирению, и создать для них соответствующие стимулы. В этих же целях Вашингтон и Москва должны оказать давление на те группы в Сирии, которые не желают начинать диа-

лог, и тем самым заставить их сесть за стол переговоров. Что же касается элементов, занимающих абсолютно непримиримую позицию, то их следует изолировать и подвергнуть санкциям.

Работая над мирным урегулированием в Сирии по типу Дейтонских соглашений, положивших конец войне в Боснии, Вашингтон и Москва должны тесно сотрудничать со всеми игроками, действующими в регионе: арабскими государствами, Турцией, Израилем, Ираном, чтобы заручиться их поддержкой. В противном случае урегулирование может быть сорвано из-за соперничества заинтересованных сторон, имеющих разные цели. Наконец, и это самое главное, мирный процесс в Сирии должен осуществляться в первую очередь под эгидой ООН — это обеспечит доверие к нему и развеет опасения России и других государств, настороженно относящихся к односторонним действиям.

Администрации Обамы и Кремлю пора наладить более тесное сотрудничество для прекращения бойни и создания в Дамаске переходного органа власти, способного обеспечить национальное примирение и возрождение сирийского государства. Многие на Западе в частном порядке признают, что российское представление о проблеме является в значительной степени обоснованным. Для полноты картины Соединенным Штатам надо добавить к российскому подходу свое понимание истины.

Примечания

- 1 Согласно оценке ООН, обнародованной 3 января 2013 г.
- 2 Рассказ о советско/российско-сирийских отношениях из «первых уст» см.: *Primakov E. Russia and the Arabs: Behind the Scenes in the Middle East from the Cold War to the Present.* — New York: Basic Books, 2009. См. также: *Примаков Е.* Ближний Восток на сцене и за кулисами. — М., 2006; *Он же.* Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX — начало XXI века). — М., 2012.
- 3 Интервью министра иностранных дел России Сергея Лаврова телеканалу «Russia Today» 24 декабря 2012 г.
- 4 *Наумкин В.* Исламский радикализм в зеркале новых концепций. — М.: КомКнига, 2005. См. также: *Мирский Г.* Когда обруч лопнул // Независимая газ. — 2011. — 7 сент.
- 5 Пресс-конференция министра иностранных дел Лаврова в Брюсселе 21 декабря 2012 г.
- 6 Анализ внутривосточных событий в России в 2011—2012 гг. см. в: Пробуждение России. — М., 2013. — (Рабочие материалы / Моск. Центр Карнеги; февр.).
- 7 Интервью вице-премьера Игоря Сечина корреспонденту «The Wall Street Journal» Грегу Уайту 22 февраля 2011 г.
- 8 См. сообщение на «NEWSru.com» от 27 декабря 2012 г.
- 9 Коммерсантъ. — 2013. — 23 янв.
- 10 Выступление министра иностранных дел Лаврова на Совете по внешней и оборонной политике 1 декабря 2012 г.
- 11 Выступление министра иностранных дел Лаврова на заседании Императорского православного палестинского общества 28 ноября 2012 г.
- 12 Впрочем, это решение российского суда не препятствует официальным контактам с представителями «Братьев-мусульман» на индивидуальном уровне.
- 13 Выступление министра иностранных дел Лаврова на Совете по внешней и оборонной политике 1 декабря 2012 г.
- 14 См., например, интервью Сергея Караганова «Ежедневному журналу» 1 января 2013 г.
- 15 *Иноземцев В.* Зачем нам Сирия? // Ведомости. — 2012. — 24 дек.
- 16 Интервью министра иностранных дел Лаврова газете «Аль-Ахрам» 5 ноября 2012 г.
- 17 Интервью министра иностранных дел Лаврова телеканалу «Sky News Arabia» 18 августа 2012 г.
- 18 Интервью министра иностранных дел Лаврова телеканалу «Russia Today» 24 декабря 2012 г.

- 19 Михаил Богданов дважды работал в Сирии, занимал посты российского посла в Израиле и Египте; в 2011 г. назначен заместителем министра иностранных дел.
- 20 На совместной пресс-конференции с президентом Франции Франсуа Олландом в Париже 2 июня 2012 г.
- 21 Пресс-конференция министра иностранных дел Лаврова в Санкт-Петербурге 30 июня 2012 г.
- 22 Заключительное коммюнике «Группы действий» по Сирии, Женева, 30 июня 2012 г.
- 23 Пресс-конференция министра иностранных дел Лаврова в Брюсселе 21 декабря 2012 г.
- 24 Там же.
- 25 Порой их называют «диалогом трех Б» — Брахими, заместителя государственного секретаря США Уильяма Бернса и специального представителя президента России, заместителя министра иностранных дел Михаила Богданова.

Об авторе

Дмитрий Тренин — директор Московского Центра Карнеги, работает в Центре с момента его основания в 1994 г. Он также является руководителем программы «Внешняя политика и безопасность» Московского Центра Карнеги. В 1972—1993 г. Д. Тренин служил в Вооруженных силах СССР и России; в частности, в 1978—1983 гг. он был офицером связи в Отделе внешних сношений Группы советских войск в Германии (Потсдам), а в 1985—1991 гг. — сотрудником делегации СССР на советско-американских переговорах по ядерным и космическим вооружениям в Женеве. С 1986 по 1993 г. Д. Тренин преподавал в Военном институте. Он автор ряда книг, в том числе «Post-imperium: евразийская история» (2012 г.), «Getting Russia Right» (2007 г.), «The End of Eurasia: Russia on the Border Between Geopolitics and Globalization» (2001 г.) и «Китайская проблема России» (1997 г.).

Московский Центр Карнеги

Основанный Фондом Карнеги за Международный Мир **Московский Центр Карнеги** начал работу в 1994 г. Эта исследовательская организация объединяет ведущих российских экспертов с их международными коллегами и сотрудниками других центров Карнеги для изучения коренных проблем российской внутренней политики, экономики и международных отношений и является своего рода форумом свободной дискуссии по ключевым аспектам современной общественной жизни.

Фонд Карнеги за Международный Мир — негосударственная, некоммерческая организация, основной задачей которой является содействовать развитию сотрудничества между странами и улучшение международных отношений. Основанный в 1910 г. Фонд занимается аналитической деятельностью, нацеленной на достижение практических результатов.

Являющийся первой глобальной научно-исследовательской организацией Фонд Карнеги имеет отделения в Китае, на Ближнем Востоке, в России, Европе и Соединенных Штатах Америки. Среди пяти городов, где находятся отделения Фонда, — два ведущих центра мировой политики и три столицы, политическое развитие и международная политика которых в наибольшей степени будут определять возможность обеспечения международного мира и экономического развития на ближайшее будущее.

РАБОЧИЕ МАТЕРИАЛЫ КАРНЕГИ

Россия и кризис в Сирии

Дмитрий Тренин

Редактор А. Иоффе

Дизайнер Я. Красновский

Компьютерная верстка Ю. Мосягин

Подписано к печати 28.02.2013

Формат 60x90 1/8.

Гарнитура Garamond Premier Pro.

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 5,5

Тираж 550 экз.

Издательство ООО «Пресс Клуб Сервис»

127322, Москва, ул. Милашенкова, д. 10, оф. 96

classick21@gmail.com

Отпечатано в типографии «August Borg»

107497, Москва, Амурская ул.,

д. 5, стр. 2

ВАШИНГТОН ■ МОСКВА ■ ПЕКИН ■ БЕЙРУТ ■ БРЮССЕЛЬ

THE GLOBAL THINK TANK

МОСКОВСКИЙ ЦЕНТР КАРНЕГИ

ФОНД КАРНЕГИ ЗА МЕЖДУНАРОДНЫЙ МИР

Carnegie.ru